

ПРИНЦИП ВЗАИМОДЕЙСТВИЯ КАК СПОСОБ ИНТЕРПРЕТАЦИИ КУЛЬТУРЫ И ЯЗЫКА

Статья посвящена проблеме интерпретации культуры и языка в свете теорий дискурса, концепта и мифологии на основе философского принципа взаимодействия и сопоставительного метода исследования. Рассматриваются современные вопросы культурологии, семиотики и синергетики в области кросс-культурных исследований. Излагается использование принципа интерпретации культурных кодов в представлении единиц духовной культуры, истории культуры, картины мира в системах нескольких языков в семантическом плане.

Ключевые слова: взаимодействие; синергетика; дискурс; концепт; мифология.

Категория взаимодействия является одним из основных логико-методологических и гносеологических принципов познания природных и общественных явлений. Согласно Аристотелю, взаимодействие обуславливает возникновение и развитие объектов, их переход из одного качественного состояния в другое. В философии И. Канта взаимодействие – это категория отношения, которое порождает единство вещей и процессов чувственного мира [1. С. 66]. Взаимодействие отражает процессы воздействия различных объектов друг на друга, изменение их состояния, взаимообусловленность. Динамика изменения и развития в природе, обществе и мышлении предполагает многообразие форм их проявления и, в то же время, включенность каждого фрагмента бытия в процесс универсального взаимодействия.

Доступная и недоступная нам реальность есть совокупность предметов и явлений, находящихся в самых разнообразных отношениях друг с другом. Взаимосвязанность всего со всем, принцип взаимоотношения отражает единство мира в организованности всех образующих его систем. Свойства объектов могут проявиться и быть познанными во взаимодействии с другими объектами. Взаимодействие выступает как интегрирующий фактор, объединяющий структурные части в определенный тип системной целостности. Например, электромагнитное взаимодействие между ядром и электронами создает структуру атома, а информационное взаимодействие между людьми образует одну из составляющих общественной жизни [2. С. 336]. Любая система находится под влиянием как внешних сил, так и внутренних условий, через призму которых преломляются внешние воздействия. Внутренние и внешние факторы, взаимодействуя, влияют на систему в двух направлениях. С одной стороны, система стремится к сохранению устойчивости и равновесия, а с другой – развивается в сторону изменения своего состояния из одного устойчивого положения в другое. При этом равновесие остается динамическим. Таким образом, чтобы понять конкретную систему как объект познания, необходимо исследовать ее всевозможные взаимные связи и отношения в самом широком контексте.

Если «смысл – это путь, которым люди приходят к имени» (Г. Фреге), то этот путь есть история культуры, в течение которой в памяти человечества в виде разнообразных текстов, вербальных и невербальных, складываются, собираются, суммируются представления, понятия, ассоциации, возникшие в разное время и в разные эпохи. Историческое время при этом не играет роли. Потому что, действительно, «у народной памяти своя хронология» (В.О. Ключевский). Мы живем в ре-

альном, историческом времени, а идеи – в ментальном или, быть может, вне времени вообще (Ю.С. Степанов).

Картина мира как совокупность мировоззренческих знаний о мире с помощью языка представляет в том числе и духовно-культурную картину мира человечества. История языка отражает историю общества, пути познавательной деятельности человека, обусловленной определенными климатическими, географическими, биологическими, психологическими и многими другими культурными факторами и условиями. Языковые знаки и язык в целом являются средством абстрагированной мыслительной деятельности и общения людей в условиях материального производства; представления, понятия и суждения есть отображения объективной действительности, предполагающие сходство между мыслительным образом и отображаемыми объектами [3. С. 169].

В свое время Г.В. Гегель (1770–1831) создал целостную систему, в которой мир предстает устроенным разумно и осмысленно как стройная логическая система. Немецкие романтики начала XIX в. продекларировали своеобразие отдельных языков как проявление «духа» их носителей и существование картины мира как неотъемлемой составляющей этнической характеристики языков. Тенденция уважительного отношения к слову, знаку, символу, языку становится мощнейшим фактором, формирующим культуру. В XX в. идея мифологичности, символичности и знаковости всех человеческих представлений приобретает статус абсолютной истины [4. С. 276].

После «Курса общей лингвистики» Ф. де Соссюра культура также стала трактоваться как система знаков. Различение языка как структуры правил в отличие от речи как функционирования этих правил, противопоставление синхронического и диахронического подходов послужили громадным импульсом для применения теории знаков к изучению культуры. Исходным понятием семиотики становится текст. Поэтому культура стала определяться как текст, а сам текст – как закодированное сообщение.

Открытие и исследование все большего количества разнообразных языков по всему миру привело к осознанию многообразия и своеобразия различных культур, их несводимости друг к другу или к какой-либо универсальной схеме всемирно-исторического развития. В XIX и XX вв. возникают разные варианты типологических описаний культур в составе мировой культуры (Н.Я. Данилевский, О. Шпенглер, А. Тойнби, П. Сорокин и др.) [5. С. 153]. Ю.М. Лотман определяет культуру как сложную, многоуровневую систему раз-

личных языков. Язык культуры, по его мнению, – это и определенная картина мира, и представления о ее пространственной организации. Семантика культуры предполагает раскрытие соотношений между моделями культуры и реальными текстами культуры.

Естественный язык – исторически сложившаяся знаковая система. На основе первичных знаковых средств культуры в разных формах возникали и возникают семиотические системы более высокого уровня – так называемые *вторичные моделирующие системы, вторичные языки культуры, культурные коды*. Они многочисленны и разнообразны. Это такие формы культуры, как мифология, религия, философия, наука, искусство (музыка, скульптура, живопись, архитектура, фотография, кино), поэзия и проза, движение (танец, игра актера), поведение [6]. Исследование языка сквозь призму мифологического мышления приводит к реконструкции категорий духовной культуры. Интерпретация культурных кодов, начиная с уровня мифологического мировосприятия, позволяет представить единицы языка духовной культуры, историю культуры, систему ценностей, картину мира в зеркале языка. Подобные исследования в сопоставительном аспекте имеют определенный научный интерес, поскольку способствуют духовно-культурному обогащению, расширению мировоззрения, углублению философского взгляда на мир и жизнь в обществе, на историю человечества.

Любой фрагмент окружающей действительности предоставляет человеку информацию для восприятия, интерпретации, хранения или передачи другим членам сообщества. Сама информация организована в виде знаков и образует систему, некое целое пространство. В едином реальном мире, таким образом, образуется единый информационный мир, информационная среда, инфосфера, которая вся «пронизана общими параметрами» (Ю.С. Степанов). Термин *инфосфера* произошел от термина *ноосфера*, который был введен в научное обращение П. Тейяром, Э. Леруа во Франции и, независимо от них, В.И. Вернадским в начале XX в. Современная наука задается вопросом создания общей семиотической теории единого информационного пространства. Специалисты в области кросс-культурных исследований пытаются найти, например, почему один и тот же мотив-миф дает начало разным сюжетам в разные эпохи в разных частях света. Историки, археологи, этнографы, специалисты по сравнительной мифологии допускают, что мифологические параллели свидетельствуют об исторических связях между народами и культурами, поскольку мифы способны надолго сохраняться во времени [7. С. 69]. Концепция информации как объективной сущности, объединяющей материальное (физическое) и идеальное, структуру и функцию в тесной взаимосвязи, определяет физическую реальность как информационную реальность. В настоящее время подобные исследования одновременно информатики, семиотики и философии включаются в сферу *синергетики*.

Термин *синергетика* был введен немецким физиком Г. Хакеном более сорока лет назад. Само слово происходит от древнегреческого *синергия* ‘сотрудничество, содружество’ и в философии означает совместное действие; взаимодействие различных видов энергий в це-

лостном действии [1. С. 414]. Синергетика изучает возникновение новых свойств в различных системах, в том числе и в таких, как культура. Эта новая научная парадигма исследует проблемы существования общих принципов, которые управляют взаимодействием сложных систем живой и неживой природы, когда в них происходят качественные изменения. Индивидуальными элементами сложных систем могут быть люди, принадлежащие к разным этническим группам, а также ментальные и языковые концепты, значимые для их общения. Австрийский биолог и натурфилософ Л. фон Берталанфи (1901–1972) в общей теории систем поставил вопрос о возможности наличия общих принципов, объясняющих существование сложных систем независимо от характера составляющих его частей. Он сделал попытку объяснить гармонию жизненных принципов наличием «живой системы имманентных сил».

Культура является сложной диссипативной (нелинейной) системой, динамика в которой имеет множество путей. По мнению Г. Хакена, поведение сложных систем зависит от внешнего воздействия, которое можно измерить «контрольными параметрами» (control parameters). Если параметры изменяются, то может произойти качественное изменение системы. Поведение сложных систем с множеством переменных определяется лишь небольшим числом переменных, называемых «параметрами порядка» (order parameters). В культуре параметрами порядка могут выступать константы национальной концептосферы (Ю.С. Степанов). В языке это могут быть языковые формы, со временем стандартизовавшиеся и окостеневшие. В.Г. Гак вслед за В.И. Абаевым считает, что в современном языке формы языка довольно далеко уже ушли от своих первоначальных смыслов.

Воздействие на язык внешней реальности в единстве внутренних языковых и экстралингвистических факторов изучается в рамках языка и речи (Ф. де Соссюр), текста в контексте (М.М. Бахтин), связного текста (Н.Д. Арутюнова), процесса речевого общения, понятого как динамическая открытая система, т.е. в рамках так называемого *дискурса*. Высказывание как единица дискурса, по мнению Бахтина, входит в мир «диалогических отношений», требующих экстратекстового ответного понимания. Высказывание имеет смысл, а не значение, и в дискурсе оно синергетично. В нем происходит совместное действие, это «язык в действии» (Э. Бенвенист). Это речь, «рассматриваемая как целенаправленное социальное действие, как компонент, участвующий во взаимодействии людей и механизмах их сознания (когнитивных процессах)» [8. С. 136].

По формуле Н.Д. Арутюновой, дискурс – это речь, погруженная в жизнь. По аналогии, дискурс в литературе – это художественный текст, погруженный в жизнь, мифологический дискурс – это миф, погруженный в жизнь. Для нашего исследования важна мысль М.М. Бахтина о том, что «только контакт языкового значения с конкретной реальностью, только контакт языка с действительностью, который происходит в высказывании, порождает искру экспрессии: ее нет ни в системе языка, ни в объективной, существующей вне нас действительности» [9. С. 281].

Мифологический, как и литературный, дискурс соединяет мир воображения и конкретную реальность. Происходит рождение нового смысла, который необходим для соположения в сознании этих двух миров, существующих в разных пространственных и временных параметрах. В результате создается общеполитический контекст, в который входят и история, и культура. Система *культура* как сложная нелинейная структура синергетически порождает новый смысл или смыслы при взаимодействии, если рассматривать предмет нашего исследования, с историей и языком.

Изучение истории невозможно без исследования личности, «делающей» эту историю, так же как анализ дискурса идет в единстве / связи с исследованием *языковой личности*. Ю.Н. Караулов предложил модель языковой личности, состоящую из трех уровней: мотивационного, тезаурусного и вербально-семантического, что соответствует трехуровневости процессов восприятия и понимания [10. С. 152–156]. Каждый уровень структуры языковой личности состоит из трех типов элементов – единиц, отношений и стереотипов. Единицами нулевого вербально-семантического уровня выступают отдельные слова, отношения между ними охватываются единой вербальной сетью в виде грамматико-парадигматических, семантико-синтаксических, ассоциативных связей, а стереотипами являются стандартные, наиболее распространенные словосочетания, фразы, клише. На тезаурусном лингвокогнитивном уровне единицами считаются обобщенные понятия, крупные концепты, идеи. Отношения между ними выстраиваются в строгую иерархическую систему, в непосредственной отражающую картину мира. В качестве стереотипов на этом уровне выступают устойчивые обобщенные высказывания, дефиниции, афоризмы, крылатые выражения, пословицы и поговорки.

Составить словарь основных понятий-дескрипторов тезауруса так же трудно, как и определить элементы высшего мотивационного уровня модели языковой личности. Единицы этого уровня направлены на разного рода потребности человека, которые диктуются экстра-, прагма- и лингвистическими причинами. Полного перечня данных коммуникативно-деятельностных потребностей, по мнению Караулова, пока нет, но им могли бы отвечать определенные символы, образы, знаки повторяющегося, стандартного для данной культуры текста сказки, мифа, легенды и других текстов устной традиции, классических текстов письменной традиции, произведений художественной литературы и других видов искусства. Языковой способ выражения символа подобного *прецедентного текста* совпадает со способами выражения стереотипов других уровней. Это может быть, например, цитата, ставшая крылатым выражением (*Ветер перемен*), или имя собственное, служащее обозначением художественного образа и связанных с ним коннотаций в соответствующих прецедентных текстах (*Геракл, Одиссей и Пенелопа, Орфей* и др.).

Язык существует в сознании человека и общества, в этом заключается его социальная функция. Языковая личность является носителем языкового сознания и культуры в языке (В.И. Карасик). Человек, живущий в определенном культурно-языковом пространстве, яв-

ляется носителем определенных смыслов, вырабатываемых в процессе взаимодействия различных систем. Л.С. Выготский подчеркивал, что действительный смысл каждого слова определяется, в конечном счете, всем богатством существующих в сознании моментов, относящихся к тому, что выражено данным словом [10. С. 173].

Познавая природную сущность, мы даем ей свое условное имя. Поэтому наши именованья природы больше говорят о нас, чем о природе, – о наших условностях, правилах, символах. Расширяя свои познания, человек постигает суть окружающего мира, истинный порядок вещей, избавляется от хаоса в своих знаниях. В одном из своих эссе французский писатель Андре Моруа (1885–1967) писал, что мир такой, какой он есть, и роль человека заключается в том, чтобы разобраться в его организации. Однако как гражданин XX в. Моруа считал, что дикая природа лишена «нравственности», создает беспорядок, и только человек может создать сад [11. С. 441]. Научная мысль XIX в. предлагает расширить границы осмысления сущности природы и человеческого общества с целью увидеть, объяснить и, возможно, предвидеть закономерности их развития.

Сознание – это различение, осознание иного, что возможно только в горизонте другого / чужого. Еще Кант говорил об умении смотреть на себя глазами других. Гете был убежден, что нельзя понять собственный язык без знания иностранного. Постигая смысл и ценность любой другой культуры, мы учимся понимать, уважать, сохранять свою собственную.

Природа смыслов, порожденных человеком, раскрывается в многообразии культур, через знаковые системы языков, в больших текстах (В.В. Налимов). В процессе человеческой деятельности происходит обобщение знаний в виде мифов, символов (А.Ф. Лосев), формируется некая база представлений для создания новых знаний. В философии XX в. произошел лингвистический поворот к осознанию роли речи как важнейшего компонента взаимодействия людей. Одним из достижений постмодернистской философии является включение дискурса в контекст коммуникации, где взаимопонимание достигается благодаря оценке себя со стороны другого [5. С. 365]. Постмодернисты рассматривают мир (сознание) и культуру как текст, которому присущи неоднородность, многоязычие, открытость, интертекстуальность. Термин *интертекст* был введен для обозначения совокупности «всех возможных интерпретаций аллюзий и параллелей, имплицитно содержащихся в данном тексте» [12. С. 564]. Многообразная, неоднородная, множественная реальность познается человеком в процессе его деятельности и, как результат, замещается набором вербальных и невербальных элементов, которые используются в дискурсе в качестве знаков и символов замещения – концептов, на основе которых строятся другие дискурсы. Соответственно, *концепт* – это и совокупность знаний о картине мира, и «мысленное образование, которое замещает нам в процессе мысли неопределенное множество предметов одного и того же ряда» (С.А. Аскольдов / Алексеев) [13. С. 267]. То есть это виртуальное замещение реальной картины мира совокупностью симво-

лов и знаков – «вторичной картиной мира, сложившейся в ходе познания мира для существования в первичной картине мира» [14. С. 70].

Ю.С. Степанов, один из создателей концептуально-филологического направления в современной гуманитарной науке, в своем труде «Константы: Словарь русской культуры» исследует концепты – «объединяющие идеи русской культуры», особое внимание уделяя эволюции концептов в культуре. В содержании концепта он выделяет буквальный смысл, внутреннюю форму, исторический слой. В структуре концепта «входит все то, что и делает его фактом культуры – исходная форма (этимология); сжатая до основных признаков содержания история; современные ассоциации; оценки...».

Первый элемент вербально выраженного концепта – его внутренняя форма, которая соотносится с архаичной традицией и архаичной реальностью, выражая древнюю точку зрения этноса на мир, и передает черты «наивной модели мира» (Ю.Д. Апресян). В теории В. фон Гумбольдта «слово не является изображением вещи, которую оно обозначает, и еще в меньшей степени является оно простым обозначением, заменяющим саму вещь для рассудка или фантазии». От простого обозначения слово, по мнению Гумбольдта, отличается тем, «что имеет свой собственный определенный чувственный образ» [15. С. 303–306]. В основе внутренней формы лежит исходная мотивированность словесного знака, взаимосвязанная с данным предметом конкретным видом чувственной формы.

Ядро вербально выраженного концепта содержит архисемы и дифференциальные семы, которые раскрываются при помощи дефиниций в толковых словарях. Сегодня архетип имеет более широкий смысл. Это не только «коллективное бессознательное» (К.Г. Юнг), но и некоторый фонд представлений, которые опираются не генетическую память и не всегда соответствуют актуальному эмпирическому опыту. Замещение реальной картины мира вторичной картиной осуществляется человеком с целью существования в этом реальном мире. Для обеспечения вербального человеческого общения происходит «замещение замещения» – построение некоторой модели отношения к условиям человеческого бытия, «именование отражения отражения» – семиотическая модель опять конвенционально номинируется для обеспечения взаимодействия в языковом сообществе [14. С. 70].

Таким образом, язык – это не только деятельность и продукт деятельности, но и «инструмент для обнаружения взаимодействия наций». Изучение языка открывает для нас «еще и аналогию между человеком и миром вообще и каждой нацией, самовыражающейся в языке, в частности» (В. фон Гумбольдт).

В отличие от С.А. Аскольдова, Д.С. Лихачев полагает, что концепт существует для каждого словарного значения слова отдельно, и предлагает считать концепт алгебраическим обозначением / выражением значения, которым мы оперируем в своей устной и письменной речи. Охватить значение во всей его сложности человек просто не успевает, иногда не может, а иногда по-своему интерпретирует его (в зависимости от своего образования, личного опыта, принадлежности к определенной среде, профессии и т.д.) [16. С. 280–287]. У

каждого человека есть свой культурный опыт, которым и определяется богатство / бедность значений слова и концептов этих значений. И, очевидно, у каждого есть свой круг ассоциаций, оттенков значения и свои особенности в потенциальных возможностях концепта. Но в то же время любые отклонения и дополнения возможны только в пределах контекста, в котором концепт доходит до адресата.

Концепты кодируются в сознании единицами универсального предметного кода (Н.И. Жинкин, И.Н. Горелов, А.А. Залевская). Универсальность их заключается в том, что «он есть у всех без исключения носителей языка, хотя и различен у каждого индивида» [17. С. 208]. Единицы универсального предметного кода – чувственные образы, которые отражают субъективный опыт человека. Образы, составляющие содержание концепта, проходят определенную стандартизацию: концепты могут быть общенациональными, групповыми и личными. Слово своим значением передает несколько концептуальных признаков, но не весь концепт полностью. С другой стороны, один и тот же концепт в языке может быть представлен самыми разными словами, синонимами, семами, дефинициями в различных словарях, а также текстами. Сопоставляя доступные языковые средства репрезентации концепта – в системе языка, в речи, в текстах, можно выявить содержание концепта как единицы мышления. Это касается только той части концепта, которая нашла языковое выражение в данном национальном сознании. Языковой знак, подобно включателю, активизирует концепт в сознании и запускает его в процесс мышления [17. С. 209].

Итак, язык – очень сложная система взаимозависимых фактов, которые лингвистика и сама не всегда может распределить по независимым категориям (В. Матезиус). Для этого приходится заимствовать термины из других наук. К примеру, термин *концептосфера* был введен Д.С. Лихачевым по типу терминов *ноосфера* и *биосфера*. Термин *семиосфера* Ю.М. Лотман использует для обозначения некоторого семиотического пространства, присущего данной культуре, взаимодействуя с которым способен функционировать каждый отдельный язык. Пространство семиосферы пересечено границами языков, текстов и состоит из субсемиосфер. Каждая языковая единица в процессе своего взаимодействия с другими единицами приобретает ассоциативные связи и образует вокруг себя некую *семантическую сферу*. Совокупность семантических сфер образует *семантическое пространство* – совокупность значений и смыслов, которыми оперирует отдельный этнос на определенном языке. Совокупность семантических и семиотических сфер, расположенных во взаимосвязанном пространстве, создает условия для возникновения сфер более высокого порядка – концептосфер. Семантические сферы связывают концептосферы с языком. Через семиотические сферы концептосферы связаны с устойчивыми моделями восприятия и познания мира.

Концептосфера также имеет ядро и периферию, она также связана с множеством других концептосфер, но нерасторжима в совокупности своих базовых элементов семантических сфер и семиосфер. А совокупность отдельных и самостоятельных концептосфер образует

концептуальное пространство. «В связи с тем, что единицы каждого из двух других пространств объективно и планетарно (общечеловечески) и национально детерминированы (и элементы семантики, и элементы семиотики), то, естественно, такие же общечеловеческие и национально-специфические элементы входят и в концептуальное пространство “пребывания” любого этноса» [14. С. 96].

Сферы – семантическую, семиотическую, концептуальную – невозможно описать, пока они находятся в нашем сознании, пока они не материализуются нами любыми доступными нам средствами – вербальными, невербальными, эмоциями – на одном языке говорящего и слушающего. Это связано в первую очередь со свойствами пространства, в котором находятся данные сферические конструкции. Исследователи различают несколько видов пространств с точки зрения их взаимосвязи с человеком. Есть реальное пространство, которое существует объективно, независимо от человека. Есть перцептуальное пространство – пространство субъективных ощущений, оно такое, каким его воспринимает человек в процессе отражения и номинирования. И есть концептуальное пространство, которое формируется как некое представление человека о реальном пространстве, освоенном им как перцептуальное. Следовательно, реальное и концептуальное пространства соединяются перцептуальным, которое выступает в роли посредника [14. С. 101–102]. Разнообразные пространственные параметры структурируют и объективную реальность, и бытие человека.

Итак, семантическое пространство – это совокупность базовых *понятий* отдельных составляющих языковой картины мира, сложившейся у данного этноса в ходе его бытия. Семиотическое пространство – это совокупность бытийно сложившихся *правил* понимания, оценки и организации человеческого бытия, исторически, общечеловечески, этнически и социально закрепленных в семиотических системах, регулирующих человеческое существование и специфически означаемых в разных языках. Концептуальное пространство – это совокупность исторически сложившихся базовых структурных *элементов организации* человеческого бытия, закрепленных в наборе семиотических сфер, именованных в наборе семантических сфер и обеспечивающих существование человека в реальном пространстве.

В лингвистике продолжают дискуссии о выборе имени концепта, его формулировке, составлении перечня или списка культурных концептов – так называемого *концептуария культуры* (В.И. Карасик). Есть мнение, что (лингво/культурный) концепт в когнитологии – это лишь ментальное образование, принадлежащее к инструментарию научного исследования, созданное усилиями лингвокогнитологов для описания «духовной реальности»; неопределяемая категория, принимаемая интуитивно; гипероним понятия, представления, схемы, фрейма, сценария, гештальта и др. (С.Г. Воркачев). Если исходить из того, что мышление вербально, то некоторое вербальное именование концепта, очевидно, может быть выявлено, к примеру, в форме языковой или речевой единицы, которой актуализируется центральная точка концепта (В.И. Карасик,

Г.Г. Слышкин и др.). Концепт можно определить не единичным словом, а путем комбинаций языковых выражений, поскольку концепты формируются прецедентными текстами, которые функционируют в дискурсе в виде цитат, аллюзий, других вербализованных элементов и устойчиво используются в прагматических целях. Очевидно, на вопрос, может ли быть именован концепт конкретной единицей, однозначного ответа пока не существует. Концепт не есть реальность, он лишь ее отражение, но отражение не картины мира, а вербализованного (именованного) представления о некотором элементе картины мира.

Современное философское знание постулирует бистабильность и мультистабильность концептуальных структур. «Не бывает концепта с одной лишь составляющей... Всякий концепт является как минимум двойственным, тройственным и т.д.» (Ж. Делез). Множественность концептуальной картины мира принимается за основу познания в синергетике – учении о взаимодействии и самоорганизации. Методы синергетики позволяют по-новому оценить знания об истории мира, синергетика ищет общие принципы развития и самоорганизации природы, человеческого сообщества, культуры.

Несомненно, мир вокруг нас стремительно меняется. Достижения науки в разных областях колоссально расширили возможности получения и обмена информацией. Полностью согласны с Ю.С. Степановым, что «на наших глазах создается единый информационный мир, подобный единому миру природы» [18. С. 6]. Накопленный эмпирический материал позволяет сегодня в теории мифологии рассматривать мифы как серьезный источник информации об истории культуры всего человечества. Семиотический анализ мифологического текста в настоящее время заключается в выявлении в нем пропозициональных функций разной степени общности. Такой анализ можно проводить в двух направлениях. С одной стороны, в аспекте классификации предикатов индивидов-персонажей мифа (синтагматический анализ), с другой стороны, анализ приводит к группировке индивидов в классы под общим именем (парадигматический анализ). При подведении индивидов под общие разряды вскрывается «картина глубинного устройства мира» [18. С. 8]. Рассматриваемый таким образом мифологический текст – это уже мифологический дискурс. Подобные исследования подразумевают «морфологию» текста мифа и эволюционных семиотических рядов, анализ семантического означивания мира, его категоризации, описание картины мира и прагматической значимости мифа как особого культурного феномена духовного воспитания.

Очевидно, что в каждой отдельной системе существуют своего рода отношения и связи, характерные именно для этой системы и объективирующие само ее существование. Системы различных культур и разных языков тоже основаны на собственных типах отношений. Философский принцип взаимодействия теоретически и практически можно использовать как инструмент анализа, открывающий новые параметры культурно-языкового пространства, новые интерпретации взаимоотношений языков во времени и пространстве на ином уровне и совершенно иного масштаба.

Идея о специфическом виде *языкового взаимодействия* связана, прежде всего, с именами И.А. Бодуэна де Куртене (1845–1929), а также Н.С. Трубецкого (1890–1938), Р. Якобсона (1896–1982) и других членов Пражского лингвистического кружка и основателей евразийского движения. Они разрабатывали теорию взаимодействия, возникающего при контакте географически смежных языков при географической неограниченности пространства. Такой вид взаимодействия был назван Трубецким *языковым союзом* в противоположность *языковой семье*. Идея предполагала рассмотрение языкового сообщества на определенной географической территории как единой системы с особыми закономерностями развития [19. С. 16]. В своих исследованиях они пришли к выводам о структурном сходстве, не зависящем от генетических отношений языков. Согласно Трубецкому, *языковой союз* – это группа языков, обнаруживающих существенное сходство в синтаксисе, морфологии, в фонетике и обладающих общим фондом культурных слов, но не связанных системой звуковых соответствий и исконной элементарной лексикой [20. С. 617–618]. Он сформулировал основы языкового союза на материале балканских языков и для балканских языков. Р. Якобсон, анализируя фонологические системы евразийских языков, писал, что сходство в структуре может связывать равным образом как языки с общим происхождением, так и языки разного происхождения.

Предположение об особом духовном взаимодействии, не ограниченном во времени и пространстве и реально существующем в едином субстанциальном мире, отнюдь не ново. На наш взгляд, в качестве примера можно при-

вести историю натурфилософии, начиная с Сенеки, учение о «Книге природы» в эпоху неоплатонизма, теорию причинно-механической картины мира в эпоху Просвещения и др. [1]. Эта идея возникает, в том числе, когда другими способами нельзя объяснить, почему одни и те же открытия, к примеру, делаются в противоположных частях планеты, совершенно независимо друг от друга. Принцип взаимодействия представляется возможным использовать в процессе интерпретации фактического материала в аспекте мифологических семантических представлений о структурообразующих элементах архетипической модели мира в качестве объекта исследования. Нами не рассматривается проблема *языковых контактов* в смысле взаимодействия, оказывающего влияние на структуру или словарь контактирующих языков [21. С. 237]. Не затрагиваются вопросы культурного, языкового заимствования, обмена, вытеснения и т.п., а также теория *языкового союза* как особого типа ареально-исторической общности языков. Благодаря выявлению наглядных, вербально закрепленных в различных словарях схождений и параллелей в мифологических представлениях и ассоциациях, концептуальной и языковой категоризации, культурных ценностях и оценках, стало возможным использовать категорию взаимодействия как факт, нашедший свое объективное отражение в языке – тексте, основанном на мифологических, фольклорных, литературных, археологических, исторических, этнографических и других доступных нам данных [22]. Можно рассматривать данную гипотезу для условного, конвенционального обозначения (Т.В. Цивьян) определяемых сходств и подобий в системах нескольких языков на лексическом уровне, прежде всего, в семантическом плане.

ЛИТЕРАТУРА

1. *Философский энциклопедический словарь*. М. : ИНФРА-М, 2007. 576 с.
2. *Спиркин А.Г.* Философия. М. : Юрайт, 2011. 828 с.
3. *Уфимцева А.А.* Знаковые теории языка // *Языкознание*. Большой энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
4. *Культурология* / Ю.Н. Солонин, М.С. Каган. М. : Высшее образование, 2007. 566 с.
5. *История культурологии* / А.П. Огурцов. М. : Гардарики, 2006. 383 с.
6. *Мечковская Н.Б.* Семиотика: Язык. Природа. Культура. М. : Академия, 2004. 432 с.
7. *Березкин Ю.Е.* Мифы Старого и Нового Света. Из Старого в Новый Свет: Мифы народов мира. М. : АСТ, 2009. 448 с.
8. *Арутюнова Н.Д.* Дискурс // *Языкознание*. Большой энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
9. *Бахтин М.М.* Проблема текста в лингвистике, филологии и других гуманитарных науках. Опыт философского анализа // Бахтин М.М. Эстетика словесного творчества. М., 1986.
10. *Караулов Ю.Н.* Русский язык и языковая личность // Зинченко В.Г. Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. М. : Флинта ; Наука, 2008. 224 с.
11. *Моруа А.* Слово дано многое... // *Культурология*. История мировой культуры : хрестоматия. М. : ЮНИТИ-ДАНА, 2008. 607 с.
12. *Тростников М.* Перевод и интертекст с точки зрения поэтологии // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. М. : Академический проект, 2001. 702 с.
13. *Аскольдов С.А.* Концепт и слово // *Русская словесность*. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М., 1997. С. 267–279.
14. *Прохоров Ю.Е.* В поисках концепта. М. : Флинта ; Наука, 2008. 176 с.
15. *Гумбольдт фон В.* Лаций и Эллада // Гумбольдт Вильгельм фон. Избранные труды по языкознанию / общ. ред. Г.В. Рамишвили. М. : Прогресс, 1984.
16. *Лихачев Д.С.* Концептосфера русского языка // *Русская словесность*. От теории словесности к структуре текста. Антология / под общ. ред. В.П. Нерознака. М., 1997.
17. *Зинченко В.Г.* Межкультурная коммуникация. От системного подхода к синергетической парадигме. М. : Флинта ; Наука, 2008. 224 с.
18. *Степанов Ю.С.* В мире семиотики. Вводная статья // Семиотика: Антология / сост. Ю.С. Степанов. М. : Академический проект, 2001. 702 с.
19. *Цивьян Т.В.* Язык: тема и вариации: избранное : в 2 кн. М. : Наука, 2008. Кн. 1. 314 с.
20. *Нерознак В.П.* Языковой союз // *Языкознание*. Большой энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
21. *Иванов Вяч. Вс.* Контакты языковые // *Языкознание*. Большой энциклопедический словарь. М. : Большая Российская энциклопедия, 1998. 685 с.
22. *Хизбуллина Д.И.* Евразийское взаимодействие: Язык. Миф. Культура. LAP Lambert Academic Publishing, 2011. 112 с.

Статья представлена научной редакцией «Филология» 23 сентября 2011 г.